

Мама привила мне любовь к книгам и науке. Она читала мне стихи Ломоносова:

О, ваши дни благословенны.
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим доказать,
Что может собственных платонов
И быстрых разумом ньютонов
Земля российская рождать!

Папа любил математику, инженерию и научил меня играть в шахматы и решать задачи. Мама по вечерам читала мне Войну и Мир.

Вообще, я записывался в группу математиков, но увидел свою фамилию среди механиков. Возражать не стал. Лекции Венкова приводили меня в восторг. Именно на его лекциях я почувствовал красоту алгебры.

Когда я однажды опоздал на лекцию по матанализу, и попытался проскользнуть в дверь, после ее начала, усатый Натансон взял трость, которая стояла прислоненной к столу и тах трахнул ею по столу что раздался оглушительный треск. Я юркнул назад и больше не опаздывал.

Статистику и теорию вероятности понимал плохо и выучил только тогда когда сам стал преподавать этот предмет. Зато запомнил анекдот про Скитовича. Его спрашивают: На каком музыкальном инструменте вы любите играть – на скрипке или на ф-но? Скитович отвечает: На барабане. Почему? А с него карты не падают на пол.

Про Шаронова говорили, что Земля имеет «шарронообразную» форму.

Про Александрова говорили, что он на спор ездил на трамвайной «колбасе» и милиции объяснял, показав корочку член-кора Академии наук, что он изучает вибрацию.

Про Д.К. Фадеева говорили, что он пианист-виртуоз и что он помогает городской филармонии составлять программы абонементных концертов на год. Возможно, он и сына назвал в честь Людвиг Бетховена. Позже я слушал лекции Людвиг Фадеева по теории обратного рассеяния.

Наши учителя были замечательные люди. Я с удовольствием читаю на сайте воспоминания об Александрове, Натансоне, Матвееве. Хотелось бы, чтобы таких воспоминаний появилось больше – о Шаронове, Колбиной, Валландере, Фадееве, Венкове, Тамаре Константиновне Чеповой, и многих других.

Однажды я ехал в трамвае с Детской на Десятую линию без билета. Подходит контролер и спрашивает мой билет. Я просто и откровенно говорю ему, что у меня билета нет. Он спрашивает – ты студент? Я говорю – да. Покажи студенческий билет. Я показываю. Контролер молча и, как мне показалось, приветливо, уходит.

Хвостов не было. Надо было жить. Мама посылала регулярно 12 рублей в месяц. Стипендия и мамины деньги - все мои доходы. Иногда, очень редко, я подрабатывал в столовых.

Стипендия была неплохая. На последних курсах я еще подрабатывал – топил печки в Меньшиковском дворце. Как говорил Толя Крючков, работал на кафедре «Топора». В

целом это выходило больше моей первой инженерской зарплаты на Турбомоторном заводе в Свердловске.

Толя Крючков ходил на занятия танцевального кружка в «Камушки». Когда он сидел, готовился к экзаменам, и уставал, он начинал немножко колотиться головой об стенку. Небольно. Говорил, что это помогает от усталости.

У Лени Чернигина я однажды одолжил рубль. Это было на первом курсе. До сих пор не отдал. Он, конечно, забыл про этот мой долг ему. Когда, совсем недавно, я напомнил ему об этом долге, и сказал, что меня мучают угрызения совести, он ответил: Ничего, Лев, не мучься. Можешь этот рубль истратить.

Однажды кто-то вывесил в коридоре распечатанные листки с рисунками и текстом Маленького Принца Экзюпери. Так я впервые прочел эту удивительную сказку. С тех пор она везде и всегда со мной.

Очень любил посещать концерты нашего хора по управлению Григория Сандлера. Так я впервые услышал ораторию «Кармина Бурана» Карла Орффа. Позже эту ораторию я слушал в других исполнениях, но, кажется, лучшего исполнения, чем нашего хора, я не слышал. Или, может, это эффект «первого впечатления».

Церемония открытия Дня матмеха была великолепна! К нам приезжали делегации из Киева, Москвы, Новосибирска. Говорили торжественные речи. Когда зажегся «светильник разума», маленькая керосиновая лампочка на демонстрационном столе, мы все вставали и пели гимн матмеха: Мы соль земли, мы украшение мира!.. Потом шли слушать оперу «Фермата». Вина пилось довольно много, больше, чем как мне кажется сейчас, было необходимо.

Столовая выглядела нормально. Кормили вкусно. Стоя в очереди учился закапывать котлету в картошку. Раза два получилось. В переменах или на пропущенной лекции играли в «коробок».

Моим ближайшим другом был Витя Кабиков. После окончания университета он уехал в Мурманск. Мы довольно долго переписывались. Потом он куда-то пропал.

Любил бродить по городу один. От Смольного до Васиного острова пешком. Проводил дни в Эрмитаже и в Русском музее. Из этих двух музеев мой самый любимый – Русский.

Мой любимый писатель – Вадим Шефнер. С героями его повести «Сестра печали» и других повестей я прожил целую жизнь на Васильевском острове. Однажды я попытался прийти к нему домой и просто выразить свою любовь к его книгам и героям. Дело было часов в 9 или 10 вечера. Я бы сейчас, конечно, не решился никого беспокоить в такое время. Я позвонил. Дверь открыл молодой человек примерно моего возраста. Я сказал, что я к Вадиму Сергеевичу. Молодой человек подозрительно посмотрел на мой пухлый портфель, который я держал под мышкой и сказал, что Вадим Сергеевич сейчас занят и не может принять меня. Дверь закрылась. Мне ничего не оставалось как медленно спуститься по лестнице и пойти домой. Возможно, этот парень решил, думал я, что я графоман и начну сейчас одолевая его отца своей писаниной. Никакой писанины в моем пухлом портфеле не было, а было одно только грязное белье. К Шефнеру я решил зайти после бани.

Помню как Веня Витязев играл опусы Бетховена на пианино в общаге на Детской. Я всю жизнь мечтал научиться играть на пианино. Не вышло. Поэтому я очень благоговел перед ним. Про него говорили, что он учился в духовной семинарии и бросил ее ради матмеха. То

же говорили и про Гену Соловьева - что он учился в суворовском училище и ушел из него ради матмеха.

Я был тайком влюблен в Люцию Юргелевич, но старался не показывать своих чувств поскольку видел, что они с Геней Антощенковым составляли хорошую пару. Играли вместе на концертах. Вообще, я преклонялся и преклоняюсь перед людьми, умеющими играть на музыкальных инструментах.

О положении в стране я не задумывался. На факультете атмосфера была совершенно свободная. В стране - не знаю. Не участвовал ни в какой общественной жизни. Мне больше нравилось, как меня в магазинах спрашивали: «вам кусочком, или порезать»? Появились лозунги – «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» Однажды Александрович организовал на факультете лекцию, где мы обсуждали: что же все-таки это такое – коммунизм? Помню, Александрович привел нам такой пример: Приходите вы в гости к другу при коммунизме и видите в его гардеробе пиджак, который вам понравился. Вы спокойно одеваете его и уходите.

Когда запустили космонавтов, мы сорвались с занятий и стихийной демонстрацией пошли на Дворцовую площадь. Там уже было много студентов с плакатами из других вузов. На одном из плакатов было написано: «Все там будем!» Газеты на следующий день рассказали об этой стихийной демонстрации студентов и написали, что студенты несли плакат, на котором было написано: «И мы там будем!»

Несколько раз был в Профилактории на Петроградской за семь рублей восемьдесят копеек в месяц. Принимал ванны с хвоей и кушал булочку с кефиром перед сном. Летом за 40 рублей в месяц ездил в спортивный лагерь в Сухуми. Там я несколько раз играл в шахматы с Толей Подкорытовым и даже иногда выигрывал. Там же я познакомился с девушкой, блондинкой с Химфака, по имени Татьяна. Знакомство продолжилось и по возвращении в Ленинград. Ее родственники жили в «доме академиков» на Васильевском, кажется, в бывшей квартире академика Павлова. Однажды она привела меня в этот дом познакомиться со своими родственниками. Квартира поразила меня. Я, правда, запомнил только огромный диван из черной кожи и высокие, обитые резным темным деревом, красивые потолки. Спустя некоторое время мы решили пожениться. Мы решили встретиться в 10 утра под часами у Главного здания (часы и поныне на своем месте), чтобы пойти в загс. Помню, я просыпаюсь без пятнадцати десять, жутко хочу спать, думаю, что я уже не успею к десяти и после недолгих, но мучительных внутренних терзаний, засыпаю. Встретились мы с Татьяной уже несколько месяцев спустя. О нашем тогдашнем решении мы больше не вспоминали.

Вообще, я вел совершенно нецелеустремленную жизнь на матмехе. Посещал лекции и занятия только те, которые мне нравились. Если бы я был более серьезным в то время, я бы может сделал уже стал директором института, или академиком, по крайней мере членом, или каким-нибудь другим членом. Зато любил с друзьями ходить в чебуречную на Майорова. Помню как когда мы стояли в предбаннике, ожидая своей очереди, какой-то мужчина, тоже из ожидавших очереди, стал звонить домой: «Дорогая, у меня сегодня вечером собрание. Приду поздно. Подогрей котлетки». Мы все вежливо молчали. Не смеялись. Мы понимали его. Чебуреки и лобио! Это здорово!

Однажды, сидя за столом в этой чебуречной после очередной стипендии мы тихо, тихо, для самих себя, стали напевать «Все перекаты да перекаты...». Произошло чудо. Смотрим, вся чебуречная поет с нами эту песню.

К Коле Белыху по субботам приезжала его жена, которая жила в Киришах. Однажды, после чебуречной, когда мы пришли в общагу, Коля открывает дверь своей комнаты и громко говорит мне в шутку – Ну что, Лев, теперь пошли по девочкам! В ответ из темноты комнаты раздается вопль – По каким девочкам? Я тебе покажу «по девочкам»!!! Это Колина жена приехала в очередную субботу и легла спать в ожидании Коли.

Был на первом курсе такой студент Женя Плех. Он ходил с толстой книгой под мышкой, которая называлась Квантовая механика. Летом мы с ним подрядились опрыскивать раствором стены и кровати в общаге на ул. Смольная 3, бороться с клопами. В одной из самых больших комнат обнаружили надпись на стене, сделанную кровью давленных клопов. Большими буквами, во всю стену, было написано: «СМЕРТЬ КЛОПАМ! УМРЕМ НО НЕ СДАДИМСЯ!»

Был такой преподаватель Петухов. Не помню, к сожалению, его имя и отчество. Он всегда ходил в фойе на первом этаже с руками за спиной и нервно шевелил пальцами. Мы собрались компанией на зимние каникулы в Бакуриани. Билет был уже куплен, а один экзамен у меня не был еще сдан. Я подошел к нему, объяснил ситуацию и попросил поставить оценку без экзамена. Сказал, что когда я вернусь, я обязательно подойду к нему сдать этот экзамен. Он поставил мне четверку. После каникул, когда начался новый семестр, я много раз видел его гуляющим в фойе, но старался прошмыгнуть мимо. Я просто не знал как подойти к нему и напомнить об обещанном экзамене – «Здравствуйте, помните... и так далее. Я и сейчас готов сдать этот экзамен.

Теорию пластичности я сдавал Лазарю Марковичу Качанову два или три раза. Мне этот предмет не нравился и казался скучным. Вот как проходил этот экзамен. Первый вопрос – плохо. Второй вопрос – плохо, третий тоже плохо. Тогда Лазарь Маркович таким извиняющимся голосом говорил мне. Ну хорошо, ответьте, пожалуйста, на это вопрос. Я не мог ответить. Он еще более извиняющимся голосом предлагал мне следующий вопрос. Результат был тот же. Он искренне хотел помочь мне и поставить хотя бы тройку. В конце-концов я не выдерживал и говорил ему – я лучше приду еще раз. Он ни разу не выгнал меня с экзамена!

Гидродинамику сдавал Валландеру. Он давал нам вопросы, уходил и говорил, что вернется через час. В коллежде, в котором я преподавал в США, видел как один из профессоров колледжа стоит во время экзамена в полный рост, ногами, прямо на аудиторном столе, следя, чтобы студенты не списывали и не пользовались шпаргалками.

Когда я сдавал Теоретическую физику Невзгладову, я опоздал на экзамен и ввалился в аудиторию, где все уже сидели и работали над вопросами, с большой сумкой, полной учебников, которые намеревался использовать на экзамене. Невзгладов не возражал, но взглянув на сумку спросил: А вы успеете? Я, естественно, затормозил, засомневался. Тогда он вежливо и мягко сказал мне – Лучше придите в следующий раз.

Теоретическая механика у меня шла на отлично. Весеннюю сессию на третьем курсе я сдавал на отлично. Последний экзамен – ТФКП Колбиной. Экзамен шел хорошо. Лия Ивановна задала дополнительный вопрос. Я не смог ответить. Она поставила четверку. Это была единственная четверка за всю сессию. Сразу после экзамена поехал в Пушкин. Сажу на заднем сидении автобуса, про экзамен уже забыл и вдруг, совершенно не контролируя себя, я заорал на весь автобус. Пассажиры испуганно оглянулись на меня. В голове сам по себе всплыл ответ на вопрос Колбиной!

Матмех научил меня мыслить, думать, дал кругозор, заложил основы знаний, а то, что мне нужно было в конкретной работе, я потом выучил уже сам. **Матмех, спасибо что конца урокам нет!**